

какъ заинтересованы въ томъ, чтобы о нихъ, кромѣ мѣстной прессы, говорилось еще и въ столичной печати, а „Недѣля“ „Вѣстника Знанія“, вѣдь, навѣрно станетъ писать о „своей труппѣ“. Скажу даже болѣе, что я уже кое съ кѣмъ говорила на эту тему и получила согласіе принять участіе въ нашей труппѣ. Какъ ни кратковремененъ былъ кіевскій съѣздъ „В. Зн.“, все же онъ успѣлъ заинтересовать лучшую часть общества, которое теперь относится къ нашимъ задачамъ съ несомнѣнною симпатіей. А актеры являются едва ли не наиболѣе чуткою частью интеллигенціи.

Ко всему этому надо прибавить, что мы будемъ давать платные спектакли не только у себя, въ обществѣ „В. Зн.“, но и по приглашенію (конечно, за плату) въ другихъ кружкахъ и клубахъ; такимъ образомъ, если, не давая большихъ доходовъ, то, во всякомъ случаѣ, окупая свои расходы,—труппа будетъ вносить посильную лепту въ общую братскую работу.

Если мой проектъ хоть сколько-нибудь заслуживаетъ вниманія, то я просила бы читателей высказаться на страницахъ „Недѣли“ на эту тему. Пока же я воздержусь отъ дальнѣйшихъ соображеній. Къ съѣзду я готовила большой докладъ, такъ какъ ожидала тамъ услышать немедленное о немъ мнѣніе и принять участіе въ преніяхъ; но теперь приходится ограничиться краткою замѣткою, на которую я все-таки надѣюсь услышать какъ возраженія, такъ—еще больше—слово сочувствія.

Когда я пишу эти строки, въ Петербургѣ идутъ представленія Стариннаго Театра. Ставятся пьесы Лопе-де-Вега, Кальдерона, Сервантеса. Никакихъ декораций, даже передняго занавѣса. Вся декорация сводится къ фону на заднемъ планѣ и простыхъ подмосткамъ, съ незатѣйливою занавѣскою, за которою прячутся актеры. И, однако, избалованные петербуржцы валомъ велятъ въ этотъ театръ, нарасхватъ раскупая билеты.

Не имѣло ли бы смысла и будущей труппѣ „Вѣстника Знанія“, ставя классическія пьесы, напримѣръ, того же Лопе-де-Вега, сочиненія котораго будутъ даваться въ приложеніи къ „В. Зн.“ въ будущемъ году, попытаться возобновить и прежнюю постановку этихъ пьесъ? Во всякомъ случаѣ, въ пользу этого говорить и экономическія соображенія.

Я кончаю эту главу, посвященную предметамъ, о которыхъ не удалось говорить во время съѣзда. Предполагавшіяся лекціи только отчасти могутъ быть возстановлены. Статьи прив.-доц. Н. П. Василенко „О кіевскомъ обществѣ 40-хъ годовъ“ и горн. инж. І. Р. Кобецкаго о геологическомъ строеніи подпочвы Кіева—до сихъ поръ не получены. Что же касается лекцій проф. Жакова, то авторъ могъ дать ихъ только въ сокращеніи, такъ какъ не имѣлъ времени написать цѣликомъ. За это онъ извиняется передъ читателями. Но вина лежитъ уже не на немъ, а на тѣхъ условіяхъ, которыя помѣшали прочесть эти лекціи въ Кіевѣ. Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ поблагодарить кіевскія, а также и нѣкоторыя другія провинціальныя газеты за сообщеніе свѣдѣній объ этомъ праздникѣ единенія людей, видящихъ въ знаніи единственный источникъ будущаго счастья людей.

В. Битнеръ.

СТАРЫЙ КІЕВЪ.

Лекція проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго для подпечниковъ „Вѣстника Знанія“ во время ихъ съѣзда въ Кіевѣ въ 1911 г.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

Рѣдкій изъ русскихъ городовъ пережилъ такую судьбу, какъ Кіевъ: онъ процвѣталъ довольно короткое время и затѣмъ захирѣлъ на многія столѣтія. Но зато въ этотъ періодъ своего процвѣтанія, въ этотъ древнѣйшій періодъ своей исторіи, Кіевъ представлялъ собою замѣчательный типъ мірового центра: востокъ и западъ, югъ и сѣверъ обмѣнивались на кіевскихъ рынкахъ продуктами своихъ странъ.

Безспорно, положеніе на среднемъ Днѣпрѣ было первымъ условіемъ, въ силу котораго Кіевъ сталъ играть такую выдающуюся роль. Днѣпръ давалъ единственный выходъ на югъ и на сѣверъ, и онъ же представлялъ замѣчательное удобство для сношеній съ отдаленнымъ востокомъ. Среди древнѣйшихъ славянскихъ поселеній Кіевъ оказался единственнымъ въ этомъ отношеніи городомъ. Въ самомъ дѣлѣ, родиной русскихъ славянъ, какъ теперь хорошо выяснено, было Прикарпатье. Отсюда славяне потянулись довольно узкой полосой къ среднему Днѣпру, и, безспорно, причина, которая тянула русскихъ славянъ къ среднему Днѣпру, именно—къ Кіеву, заключалась въ удобствѣ днѣпровскаго пути. Несомнѣнно также и то, что поселенія на мѣстѣ Кіева принадлежатъ къ древнѣйшимъ изъ числа найденныхъ до настоящаго времени на территоріи Россіи; даже остатки поселеній каменнаго вѣка по своей густотѣ какъ бы указываютъ на то, что и тогда уже предѣлы нынѣшняго Кіева были значительно населены. Это значитъ, что уже древнѣйшіе дославянскіе насельники Кіева дорожили этимъ мѣстомъ. То обстоятельство, что къ Кіеву подходили скинскіе курганы, что готскія поселенія охватывали Кіевъ, что римскія монеты находимы на территоріи Кіева (I—III в. по Р. Х.),—все это опять-таки свидѣтельствуетъ, что, каково бы ни было населеніе въ древнѣйшемъ Кіевѣ, оно, во всякомъ случаѣ, группировалось здѣсь въ форму поселка, имѣющаго типъ города или городковъ, и вело сношенія въ торговыхъ цѣляхъ съ отдаленными странами. Но по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ,

освѣщенной большимъ количествомъ памятниковъ, къ эпохѣ, когда здѣсь уже дѣйствовало славянское племя, наши извѣстія о древнемъ Кіевѣ расширяются, и Кіевъ представляется большимъ и важнымъ торговымъ пунктомъ. Этотъ періодъ датируется византійскими и арабскими монетами отъ конца VII и начала VIII вѣка, а затѣмъ уже съ IX и X вѣковъ обильный рядъ письменныхъ извѣстій говоритъ намъ о широкомъ торговомъ значеніи Кіева.

Въ періодъ ранняго европейскаго средневѣковья въ рукахъ арабовъ сосредоточивалась обширѣйшая европейская, азіатская и африканская торговля, арабы же были двигателями науки, искусства и литературы. Въ этотъ періодъ міровой торговли Кіевъ занимаетъ одно изъ очень важныхъ мѣстъ, являясь передаточнымъ пунктомъ арабскихъ произведеній и съ своей стороны доставляя арабамъ мѣха и невольниковъ. Отъ средняго Днѣпра къ арабамъ велъ путь по верховьямъ Дона въ Итиль, — такой же замѣчательный торговый пунктъ въ странѣ хазаръ, а другой путь направлялся нѣсколько къ сѣверо-востоку и рѣкою Окою выходилъ на среднюю Волгу къ богатому болгарскому городу Булгарамъ. Оба пути можно прослѣдить по расположенію на нихъ кладовъ съ арабскими монетами. Этими путями Кіевъ связывался съ важнѣйшими передаточными пунктами арабской торговли. На самой территоріи Кіева неоднократно были находимы обширные клады арабскихъ монетъ различной чеканки; тутъ были монеты, чеканенныя въ Самаркандѣ, Шашѣ, Мервѣ и другихъ городахъ Туркестана. Кладъ, открытый въ 1851 году, заключалъ въ себѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ диргемовъ; кладъ, найденный Мазепою въ 1706 году, состоялъ изъ 2380 монетъ; были находимы и другіе менѣе крупныя клады или отдѣльныя монеты, не рѣдко въ связи съ кладами издѣлій изъ драгоценныхъ металловъ. Размѣры кладовъ, которые для того времени представляли крупныя капиталы, свидѣлствуютъ, разумѣется, о богатствѣ жителей древняго Кіева и о широкихъ размѣрахъ восточной торговли.

Но мало того. Сами арабы бывали въ Кіевѣ, и они хорошо знали этотъ городъ, именно знали — какъ богатый торговый городъ. По словамъ Аль-Масуди, писателя X вѣка, арабы посѣщали столицу царя Дира, владѣвшаго обширными городами и многими странами. Аль-Истахри тоже свидѣлствуетъ о поѣздкахъ арабскихъ купцовъ въ городъ Куябу. По словамъ анонима персидскаго писателя X-го вѣка, „куяне (Кіевъ) — ближайшій городъ руссовъ къ мусульманству. Мѣсто благодатное и мѣстопребываніе царей. Изъ него вывозятъ разнообразныя мѣха и цѣнные мечи“. Наконецъ, Ибнъ-Хаукаль, описывая обширную торговлю руссовъ, указываетъ на то, что кіевскіе руссы ведутъ торговлю съ хазарами и Византіей.

Итакъ, въ глазахъ арабовъ, Кіевъ — важнѣйшій торговый центръ древней Руси. Несомнѣнно, такимъ городомъ въ ихъ глазахъ онъ былъ потому, что сами арабы чаще всего встрѣчались не только въ Булгарѣ или Итилѣ, но также и въ далекихъ Багдадѣ, Александріи и др. городахъ именно съ кіевскими купцами. Въ самомъ дѣлѣ, древніе руссы большими колоніями проживали въ

первыхъ двухъ городахъ и заходили со своими товарами въ отдаленнѣйшіе города востока. Арабскіе писатели съ большимъ интересомъ описываютъ богатства и торговую предприимчивость этихъ высокихъ свѣтловолосыхъ язычниковъ, въ то же время пьяныхъ и „грязнѣйшихъ тварей Божіихъ“.

Параллельно съ арабской торговлей Кіевъ велъ торговлю съ Византіей и Скандинавіей. Днѣпръ являлся великимъ воднымъ путемъ, — такъ его называли въ древности, — соединявшимъ скандинавскій сѣверъ и византійскій югъ. Предприимчивые порманны большими дружинами появлялись въ Новгородѣ и Кіевѣ, иногда для военныхъ цѣлей, но чаще для торговыхъ. И тутъ Кіевъ получаетъ первенствующее значеніе передаточнаго торговаго пункта. Торговля съ Византіей, вѣроятно, получила обширные размѣры уже тогда, когда вошла въ силу торговля арабская. При этомъ первоначально Кіевъ поддерживалъ связи преимущественно съ Херсонесомъ, греческой колоніей на Таврическомъ полуостровѣ. Но, вѣроятно, къ IX вѣку торговая связь переносится въ Константинополь. Съ самаго начала X столѣтія руссы находятся въ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ столицей Византіи. Объ этомъ свидѣлствуютъ торговые договоры Олега, Игоря и Святослава и, наконецъ, вся дѣятельность древнѣйшихъ русскихъ князей. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вникнуть въ каждый политическій шагъ этихъ собирателей древней Руси, чтобы признать въ немъ ясно выраженную тенденцію направить, расширить, вообще улучшить торговые сношенія. Въ этомъ направленіи древнѣйшіе кіевскіе князья выказываютъ замѣчательную предприимчивость, иногда въ ихъ умахъ рождаются грандіозныя планы. Олегъ съ помощью оружія добивается ряда выгодъ въ торговлѣ и закрѣпляетъ ихъ договоромъ. Тѣмъ не менѣе, при его преемникахъ торговля въ силу какихъ-то причинъ, не совсемъ для насъ ясныхъ, нѣсколько сокращается. Игорь пытается поправить дѣло походомъ, но неудачно. Вел. кн. Ольга отправляется въ Константинополь для личныхъ переговоровъ съ византійскимъ императоромъ. Въ головѣ ея сына Святослава зарождается грандіозный планъ: разгромить на востокѣ хазаръ для того, чтобы утвердить непосредственныя сношенія Руси съ арабами, и когда этотъ проектъ, послѣ разгрома хазарской державы, оказался не принесшимъ пользы, такъ какъ причина ослабленія торговли заключалась въ паденіи ея въ главномъ центрѣ — среди самихъ арабовъ, то Святославъ мечтаетъ о перенесеніи торговаго центра поближе къ Византіи, на Дунай. Эти мечты разбились, но интересна сама мысль, руководившая такой грандіозной политической задачей. Подобнаго рода идеи могли возникнуть только на подготовленной почвѣ. Но, кромѣ восточной и южной торговли, Кіевъ имѣлъ связи съ западными славянами и далѣе — съ нѣкоторыми нѣмецкими городами. „Трудно проходимыми путями“, какъ свидѣлствуетъ одинъ средневѣковый источникъ, купцы изъ далекаго придунайскаго Регенсбурга пробирались въ Кіевъ. И здѣсь, въ западной торговлѣ, мѣха играли главную роль среди продуктовъ вывоза, и въ обмѣнъ на нихъ кіевскіе купцы получали западныя издѣлія.

Этихъ бѣглыхъ указаній слишкомъ достаточно для того, чтобы признать за

примѣръ, остатками мастерскихъ и нѣкоторыми другими. На территоріи Кіева, напримѣръ, встрѣчаются формочки различнаго рода серегъ и бусъ, при томъ наиболѣе распространенныхъ типовъ. Для примѣра прилагаемъ нѣкоторые рисунки такихъ каменныхъ формочекъ (рис. 1 и 2).

Не такъ давно въ усадьбѣ г. Петровскаго въ старомъ городѣ найдены были слѣды обширныхъ мастерскихъ для выдѣлки кирпичныхъ поливныхъ плитокъ, служившихъ для облицовки стѣнъ, церквей и даже жилыхъ зданій. Эти плитки

Рис. 2. Каменные формочки для отливки подвѣсокъ и серьги-колта изъ стараго Кіева.

требовали очень тщательной и сложной работы при высокой температурѣ накаиванія. Встрѣчаются также слѣды мастерскихъ эмалевыхъ издѣлій и нѣкоторыхъ другихъ. Нѣкоторыя формы обрабатывающей промышленности въ самомъ городѣ были весьма развиты, на что указываютъ названія нѣкоторыхъ частей стараго Кіева: Гончары, Кожемяки и нѣкоторыя друг.; здѣсь, повидимому, были

цѣлые поселки ремесленниковъ, занимавшихся однимъ и тѣмъ же ремесломъ.

Вообще, было бы весьма ошибочно представлять себѣ древне-русскую экономическую жизнь въ весьма примитивныхъ очертаніяхъ. Напротивъ, она была значительно болѣе развитой, чѣмъ въ позднѣйшій періодъ XV—XVII вѣковъ. Жизнь вышла изъ рамокъ такъ называемаго натурального хозяйства. Это выражалось въ томъ, что производитель и потребитель составляли различныя хозяйства. Наконецъ, это выражалось и въ томъ, что можно указать на такіе элементы населенія, которые занимались исключительно производствомъ какого-нибудь одного продукта, приобретаая въ обмѣнъ на него другіе предметы, необходимыя для жизни. Очень интересный рассказъ мы находимъ въ Печерскомъ Патерикѣ. Этотъ источникъ говоритъ объ одномъ инокѣ, который неоднократно уходилъ изъ монастыря и бродилъ межъ людей, питаясь портняжнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ, существовалъ ремесленникъ въ собственномъ смыслѣ слова. Разумѣется, факты подобнаго рода указываютъ намъ на болѣе высокую степень хозяйства, чѣмъ такъ называемый натуральный его періодъ.

Легко догадаться, что разъ появилось ремесло, то оно получило тотъ характеръ, который опредѣляется торговыми сношеніями Кіева. Ремесленникъ и художникъ въ древнѣйшее время почти всегда совпадаютъ въ одномъ и томъ же лицѣ. Сама жизнь побуждаетъ ремесленника къ художественному творчеству. Но та же жизнь опредѣляетъ вкусы самого художника и характеръ тѣхъ издѣлій, которыя онъ выпускаетъ на рынки. Такъ было и въ области древнѣйшей русской промышленности. Рынокъ требовалъ издѣлій, сработанныхъ въ араб-

скомъ или византійскомъ вкусѣ. Самъ художникъ воспитался на тѣхъ же издѣліяхъ. Отсюда понятно, что древнѣйшее русское искусство исходило изъ восточныхъ или византійскихъ оригиналовъ. Первые его пробы—это подражаніе. Очень возможно, что въ массѣ тѣхъ вещей, которыя по всѣмъ признакамъ представляютъ собой арабскія издѣлія или византійскія, есть много такого, что сработано на мѣстѣ и, главнымъ образомъ, въ кіевскихъ мастерскихъ; но подобнаго рода вещи изъ числа болѣе простыхъ, разумѣется, въ настоящее время не отличимы. Вся древне-русская жизнь подъ вліяніемъ привозныхъ восточныхъ издѣлій приобрѣла восточный колоритъ. Это выражалось въ одеждѣ, особенно въ украшеніяхъ, домашней утвари и т. п.

Воспитанный въ такой обстановкѣ художникъ-ремесленникъ первоначально исходилъ изъ подражанія готовымъ образцамъ. Но очень нерѣдко художникъ-славянинъ выдаетъ себя. Его работа грубѣе, менѣ изящна, чѣмъ привозныя издѣлія. Иногда художественное чутье или отсутствие подходящаго образца приводятъ художника къ воспроизведенію мѣстнаго колорита. Среди массы характерныхъ примѣровъ подобнаго рода творчества укажемъ на знаменитые туры рога, найденные въ Черниговѣ. Оба рога имѣютъ очень сложный фризъ, выкованный изъ серебра. Развернутый фризъ представляетъ собой восточный сюжетъ—охоту. Грубость работы отличаетъ руку неискускаго художника. Человѣческія фигуры переданы съ непомѣрно большими дугами и колчанами. Сюжетъ изображаетъ охоту на большихъ птицъ съ собаками. Картина охоты переплетается группами драконовъ и грифоновъ. Орнаментъ представляетъ собой плетеніе изъ ллліи, тождественное восточной работѣ. Итакъ, съ внѣшней стороны эти рога можно было бы признать за плохую работу восточнаго происхожденія. Но если вспомнить, что серебромъ окованъ рогъ звѣря, водившагося тогда именно въ Подніпровьи, и если обратить вниманіе на льняныя одежды охотниковъ, то мѣстное происхожденіе этого произведенія станетъ внѣ всякаго сомнѣнія. Такимъ образомъ, это мѣстный художникъ X вѣка пытался подражать арабскимъ образцамъ; онъ не былъ лишенъ нѣкотораго художественнаго чутья и, заимствовавъ орнаментъ и сюжетъ у своихъ образцовъ, онъ сдѣлалъ попытку изобразить тѣхъ людей, которыхъ онъ постоянно видѣлъ.

Но въ другихъ случаяхъ нѣкоторые виды ремеселъ успѣвали настолько развиться на мѣстной почвѣ, что являлись уже не случайнымъ подражаніемъ готовымъ образцамъ, но серьезной отраслью художественно-промышленной дѣятельности, не только достигавшей красоты и изящества, но и двигавшей впередъ данное дѣло. Таково, напримѣръ, эмалевое производство, которымъ славился древній Кіевъ. Кіевскія эмалы далеко не всегда уступали византійскимъ, по тонкости работы и сочности красокъ. Между тѣмъ, эмалевое искусство отличается большою сложностью своихъ техническихъ пріемовъ, и развитіе его является поэтому хорошимъ показателемъ высокаго художественнаго развитія цѣлой страны. Эмалевая техника проникла на Русь изъ Византіи. Здѣсь она въ свою очередь сложилась подъ давленіемъ восточныхъ вкусовъ. Византійскія

эмали замѣчательны гармоніей красокъ, чистотой и интенсивностью тоновъ. На русской почвѣ эмалевая техника получила еще одинъ видъ, называемый сканымъ дѣломъ. Оно заключалось въ устройствѣ ажурныхъ разводковъ или въ призмѣни волооченой, тянутой проволоки или золотой и серебрянной нити, которою украшалась поверхность орнаментальныхъ формъ.

Такъ предъ нами выдѣляется еще одна особенность экономической жизни стараго Кіева—его участіе въ созданіи продуктовъ производства. Очень понятно, что торговая и промысловая жизнь города выражались въ широко развитомъ рыночномъ торгѣ. Передъ началомъ отправки товара въ далекія края Кіевъ представлялъ собою обширную ярмарку, на которую ранней вешней водою приплывали торговые люди сосѣднихъ племенъ,—по Днѣпру и его притокамъ. Отъ приѣзжихъ кіевскіе купцы запасались лодьями, а также и товарами, и затѣмъ снаряжались караваны въ далекій путь.

Но и въ обычное время кіевское торжище представляло собою любопытное зрѣлище оживленной толпы, вѣроятно, очень напоминавшее теперешніе восточные базары. Вообще въ древней Руси городской торгъ—это мѣсто, на которомъ всѣ встрѣчаются, узнаютъ новости, объявленія князя или частныхъ лицъ, присутствуютъ на судебныхъ процессахъ. Очень любопытный рассказъ о такомъ значеніи городского торга находится въ русскомъ дополненіи описанія чудесъ св. Николая Мирликійскаго. Одинъ почитатель св. Николая отправился изъ Кіева по Днѣпру для поклоненія св. Борису и Глѣбу въ Вышгородъ; на обратномъ пути его жена нечаянно выронила единственнаго ихъ сына въ Днѣпръ. Родители были въ отчаяніи и обратились къ помощи св. Николая, указывая ему, между прочимъ, и на то обстоятельство, что съ потерю единственнаго ихъ ребенка прекратится и почитаніе святого въ ихъ домѣ. Но совершилось чудо: поутру ребенокъ былъ найденъ на полатяхъ св. Софіи. По окончаніи заутрени митрополитъ „посла проповѣдника на соборъ торгу“ для того, чтобы спросить, чье дитя находится на полатяхъ св. Софіи. Родители сейчасъ же узнали и взяли ребенка. Вообще съ понятіемъ города тѣсно связывалось понятіе о торгѣ, рынокѣ.

Древне-русское торговище было многолюднымъ и шумнымъ сборищемъ людей. Торгъ „снимался“ (т. е. начинался) раннимъ утромъ, при чемъ воскресные дни также посвящались торговымъ дѣламъ. На торги приходили изъ разныхъ мѣстъ, а также и приѣзжали, такъ что даже къ концу торга еще стояли здѣсь „мужы съ колы“. На торгу было шумно, почему поэты иногда приѣзжали къ сравненію: „слышахъ стукъ великъ и крикъ, аки торзи снимаются“. Продающіе и покупающіе громкимъ голосомъ убѣждали другъ друга, клялись и спорили; когда начинается купля, говорить древній проповѣдникъ, то „клятвы бываютъ и при“, и когда грѣхъ совершится, тогда и „купля скончается и сбывается реченное премудрымъ Соломономъ, якоже межю продающимъ и купующимъ совершается грѣхъ“. Такимъ образомъ, правило: „не надуешь—не продашь“ было хорошо извѣстно и тогда. Многолюдность торга давала возможность ворами сбывать краденое: они умудрялись продавать на торгу не только краденое платье, но

даже скоть и лошадей. Тутъ же на торгу были и представители власти. Мытники собирали торговую пошлину съ торговцевъ и покупателей. На торгу стояли люди съ продаваемыми ими товарами, но тутъ были и лавки, расположенныя въ торговые ряды, какъ это было и позже въ московскихъ городахъ. Лавки назывались затворами. Такое названіе лавокъ указываетъ на то, что онѣ были очень невелики, подобно небольшимъ монашескимъ келіямъ, куда для подвиговъ затворялись монахи, или подобно позднѣйшимъ московскимъ лавкамъ и затворамъ. Впрочемъ, въ позднѣйшее время употреблялось слово лавица, лавка. Лавки и затворы располагались рядами, которые носили названіе по предметамъ, составлявшимъ главный или исключительный предметъ торга. На пристаняхъ купцы прямо торговали изъ своихъ лодей.

Познакомившись съ виѣшностью древне-русскаго рынка, мы можемъ теперь обратиться къ характеристикѣ тѣхъ предметовъ, которые здѣсь продавались. На мѣстный рынокъ свозились и приносились какъ продукты, сработанные самими горожанами, такъ и предметы иноземной или во всякомъ случаѣ привозной индустріи. При зарожденіи Кіево-Печерскаго монастыря монахи скудно питались и сами себя зарабатывали „руками своими дѣлахуть“: они плели „копытца“, чулки, клубки и „ина ручная дѣла строяща“, все это они носили въ градъ, тамъ продавали, покупали на эти деньги жито и сами уже мололи его на муку. Такимъ образомъ, „градъ“ былъ мѣстомъ торга, здѣсь продавались не только ручныя издѣлія, но и хлѣбные продукты. Отмѣтимъ прежде всего, что на тогдашнемъ рынокѣ въ самомъ дѣлѣ можно было купить довольно разнообразныя предметы, необходимыя въ домашнемъ быту. Къ преподобному Феодосію однажды является монастырскій эконоомъ и заявляетъ, что въ монастырѣ нѣтъ денегъ, чтобы на слѣдующій день „купити, иже на ядь братіи и на ину потребу“. Блаженный приказалъ эконому пойти поутру въ городъ и у продавцовъ взять въ долгъ все, что нужно для братіи, а потомъ „отдамо долгъ той“. Даже эти немногія извѣстія свидѣтельствуютъ о томъ, что рынокъ и рыночный обиходъ стараго Кіева представлялъ собою форму развитыхъ экономическихъ отношеній.

Торгъ и промыслы скопляли въ Кіевъ значительныя богатства, привлекали людей. Когда наши древне-русскіе источники описываютъ роскошь и богатство, они, безъ сомнѣнія, прежде всего имѣютъ въ виду жизнь этого стольнаго города. Эти описанія очень любопытны, такъ какъ они воспроизводятъ колоритъ древне-русской жизни. Вотъ, напримеръ, какъ одинъ авторъ XII вѣка описываетъ жизнь богатаго человека. Онъ живетъ богато, ходитъ въ багряницѣхъ и паволокѣхъ, имѣетъ тучныхъ коней—иноходцевъ, украшенныхъ золоченой сбруей, съ позлащенными сѣдлами. Ему предшествуютъ рабы въ золотыхъ гривнахъ и при томъ въ большомъ количествѣ; за нимъ идутъ другіе рабы въ монистахъ и обручакѣхъ. За обѣдомъ ему многіе прислуживаютъ, ему подають въ сосудахъ, скованныхъ изъ золота и серебра. Обѣдъ ему готовятъ многіе повара, а другіе рабы несутъ блюда на перстахъ своихъ. Другіе рабы во время обѣда „махаютъ

ст. боязливо“, т. е. машутъ вѣрами надъ нимъ. Онъ употребляетъ серебряныя позолоченныя чаши. Ночные пиры устраиваются съ гусями и свирѣлями. Напитками для богатаго служатъ медь, квасъ, вино, а пищею — дичь. Богатому человѣку готовить одръ изъ поволочныхъ перинъ, когда же онъ ложится спать „и не могуцю усвѣти, друзи ему нозѣ гладятъ, ини по лядвямъ тѣшатъ его, ини по плечема чишуть, ини бають ему и кощунятъ“. Другой авторъ, Даниилъ Заточникъ, въ слѣдующихъ чертахъ описываетъ богатую обстановку вельможи и князей: они веселятся „многими брашны“, спятъ „на мягкихъ постеляхъ подь собольими одѣялами“. Даже боярскіе слуги ходятъ „въ червлене сапозѣ“ и „въ багряницѣ“, боярскіе холопы носятъ „добрый портъ“. На боярскомъ дворѣ пьютъ и ѣдятъ бараныи плечи. Всѣ предаются роскоши. Даже женщины „приничюще къ зеркалу и мажущеси румянецемъ“. Между тѣмъ, богатый человѣкъ красенъ, не иногда не смысленъ: „аки паволочи тое еголове, соломы наткано“. Но гдѣ богатство, тамъ и бѣдность. Тотъ же авторъ даетъ штрихи вѣшняго вида и положенія бѣднаго человѣка. Эти штрихи не оставляютъ сомнѣнія въ огромной разницѣ, существовавшей между богатыми и бѣдняками. Бѣдняки всѣми обиженъ. Въмѣсто богатыхъ брашенъ, онъ ѣсть сухой хлѣбъ, а вмѣсто сладкихъ питій — теплую воду, бѣднякъ спитъ „подъ единымъ платомъ“, въ зимній холодъ — и подъ дождемъ. Одежда его тоже очень бѣдна. Нога его обута „въ лыщницы“ (лапти). Вообще бѣдняки находятся постоянно подъ „работнымъ яремомъ“ и „въ велицей нуждѣ“.

О князьяхъ наши лѣтописи чаще говорятъ, а по богатству князей можно судить и о богатствѣ частныхъ лицъ. Уже великая княгиня Ольга жила въ каменномъ теремѣ; вѣроятно, это и былъ тотъ самый „отецъ дворъ“, въ которомъ Владиміръ Красное Солнышко „на дворѣ въ гридницѣ“ творилъ свои знаменитые пиры для бояръ, гридей, сотенихъ, десятихъ и нарочитыхъ мужей; на этихъ пирахъ „бише во изобилію отъ всего“. И въ послѣдующее время на княжьемъ дворѣ было пзобиліе всего, ибо когда въ 1068 году киевляне разграбили дворъ своего князя, то тамъ они нашли „безчисленное множество золота и серебра, кунами и бѣлью“. Быть можетъ, этотъ княжій дворъ былъ тотъ самый, который носилъ названіе Великаго Двора, такъ какъ въ XII вѣкѣ въ Киевѣ были и другіе княжіе дворы. Неудивительно поэтому, что киевскіе князья, поддерживаемые усердіемъ частныхъ лицъ, могли создавать величественныя постройки, особенно — церкви, и богато ихъ украшать. Уже при Ярославлѣ Владимировичѣ Св. Софія была украшена „золотомъ и серебромъ“, а при его преемникахъ Киево-Печерская обитель украсилась церковью, поражавшею современниковъ своимъ благолѣпиемъ и украшениями „виѣуду и внутрѣуду“.

Есть еще одинъ источникъ, который блестящимъ образомъ характеризуетъ и богатства древняго Киева и его художественную промышленность. Это — многочисленные клады и одѣльные находки на территоріи стараго Киева. Перечислить все то, что здѣсь найдено — трудно, да въ этомъ и нѣтъ особенной необхо-

димости. Можно иллюстрировать предшествующее изложеніе нѣсколькими наиболее характерными примѣрами.

Безспорно, самой замѣчательной находкой, которая когда-либо была сдѣлана на кievской территоріи, является золотая діадема, найденная въ 1889 году (рис. 3). Эта находка — едва ли не самая замѣчательная вообще среди русскихъ древностей. Въ настоящее время уже установлено, что эта діадема служила женскимъ головнымъ украшеніемъ. Она состоитъ изъ 9 створокъ, къ которымъ подвѣшенъ рядъ подвѣсокъ очень тонкой и мелкой работы; подвѣски состоятъ изъ эмалевыхъ бляшекъ и жемчужинъ, подвѣшенныхъ къ створкамъ на тонкихъ цѣпочкахъ. Вѣроятно, вся діадема была накинута на

Рис. 3. Княжеская діадема изъ кievскаго клада, найденнаго въ 1889 г. въ усадьбѣ Гребеновскаго.

подкладку, въ родѣ высокой кики или попошки, и въ такомъ видѣ одѣвалась на голову. Створки, составляющія діадему, состоятъ изъ семи кіотцевъ и изъ двухъ створокъ по краямъ, которыя имѣютъ центральной фигурой женскую головку. Всѣ кіотцы или створки украшены византійской перегородчатой эмалью. Имена святыхъ на створкахъ написаны греческими крупными уставными буквами красной эмали, но эмальеръ былъ не совсемъ твердъ въ греческомъ письмѣ, вслѣдствіе чего сдѣлалъ характерную ошибку, а имя апостола Павла написалъ уже славянскими буквами, за неимѣніемъ, очевидно, греческаго образца. Все это указываетъ, между прочимъ, на національность художника, сработавшаго подобнаго рода произведеніе. По предположеніямъ очень освѣдомленнаго въ этомъ отношеніи академика Кондакова, діадема является работой середины и даже конца XII вѣка; въ это время въ Византіи техника перегородчатой эмали находилась въ упадкѣ. Между тѣмъ русское произведеніе представляетъ собою съ технической стороны прекраснѣйшій образецъ. Это указываетъ на высоту развитія техники здѣсь, на мѣстѣ, и на самостоятельность ея роста, независимо отъ судьбы этого искусства въ самой Византіи. Мало того, русскій художникъ значительно видоизмѣнилъ византійскій типъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ отставалъ въ техникѣ сравнительно съ византійскими образцами, но во всякомъ случаѣ передавалъ византійскій типъ далеко не рабаки. Быть можетъ, онъ не понималъ нѣкоторыхъ греческихъ деталей и передавалъ ихъ по своему. Въ расположеніи цвѣтовъ и красокъ художникъ также не слѣдовалъ рабаки за образцомъ. Въ общемъ, нѣкоторыя краски наложены превосходно; такъ, тѣлесный цвѣтъ указываетъ на то высокое совершенство, до котораго могли доводить русскіе мастера эту утонченную технику. Описанная діадема — хорошій показатель развитія искусства и ремесла, а также исключительнаго богатства ея обладательницы. Но вотъ нѣсколько вещей болѣе обычной работы и, такъ сказать, обиходныхъ.

Такъ, однимъ изъ обычныхъ украшеній лицъ знатнаго происхожденія въ древней Руси были такъ называемыя шейныя гривны и цѣпи. Это были не только украшенія въ собственномъ смыслѣ, но также и знаки отличія.

Формы шейныхъ гривенъ весьма разнообразны. Простѣйшія изъ нихъ состояли изъ толстой витой серебряной или золотой проволоки, которая надѣвалась на шею (рис. 5). Затѣмъ встрѣчаются гривны, составленныя изъ тонкой переплетенной проволоки или изъ маленькихъ колечекъ, кольчатая цѣпи (рис. 4 и 6). Но, разумѣется, самымъ замѣчательнымъ украшеніемъ этого рода являются цѣпи. Насколько до сихъ поръ извѣстно, цѣпи представляютъ собою весьма замѣчательное явленіе въ исторіи нашего искусства и промышленности. Такъ, прежде всего остановимся на замѣчательной цѣпи, найденной въ кладѣ

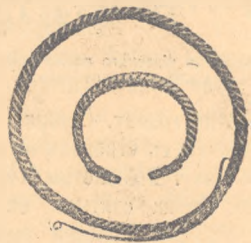

Рис. 4. Гривны изъ клада въ усадьбѣ г. Есикорскаго въ Киевѣ.

Рис. 6. Шейная серебряная гривна.

Рис. 5. Гривны (обручи и деньги) изъ киевскаго клада въ усадьбѣ Гребеновскаго.

на Большой Житомирской улицѣ (рис. 7). Она великолѣпно сохранилась. Эта цѣпь состоитъ изъ 20 медальоновъ или бляшекъ, золотыхъ и украшенныхъ эмалью; каждый медальонъ спаянъ изъ двухъ пластинокъ, такъ что внутренность ихъ полая. Бляшки сдѣланы другъ съ другомъ особыми шарнирами, а въ двухъ мѣстахъ соединяются цѣпочками, которыя, очевидно, приходились на плечахъ. Передняя часть цѣпи состояла изъ 12 бляшекъ. Бляшки украшены эмалированными изображеніями птицъ. Характеръ изображенныхъ здѣсь птицъ явно скопированъ, по мнѣнію акад. Кондакова, съ византийскихъ оригиналовъ. Тѣло птицъ—синяго цвѣта, т. е., очевидно, эмалирь имѣлъ въ виду сизаго голубя.

Орнаментированныя бляшки имѣютъ рисунокъ въ видѣ лилейной верхушки, изъ обѣихъ вѣточекъ съ зеленою внутренностью или же розетку изъ 4-хъ язычковъ. Самымъ замѣчательнымъ дополненіемъ къ этой цѣпи служатъ три медальона. Они найдены въ томъ же кладѣ и могли быть носимы надъ цѣпью. Медальоны изображаютъ Спасителя, Божию Матерь и Іоанна Крестителя. Образъ Богородицы выполненъ болѣе тщательно, чѣмъ образъ Христа, а образъ Іоанна Предтечи представляетъ собою хорошій византийскій типъ.

Не менѣе замѣчательна цѣпь, найденная на территоріи Михайловскаго монастыря. Она состоитъ также изъ 20 медальоновъ, соединеніе которыхъ между собою, а также и орнаментация, почти совпадаютъ съ только что описанными

Рис. 7. Цѣпь изъ клада въ Киевѣ на Б. Житомирской ул.

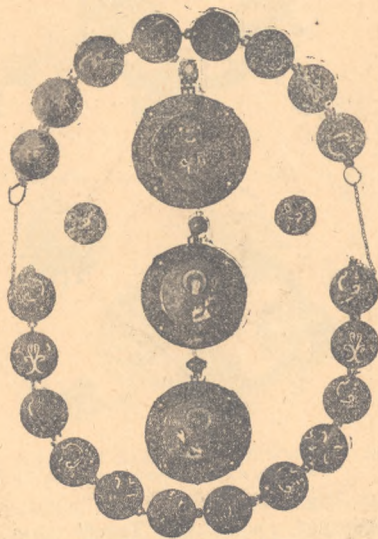

Рис. 8. Цѣпь, найденная въ Киевѣ, въ усадьбѣ Михайловскаго монастыря

медальонами первой цѣпи. Судя по меньшей величинѣ медальоновъ, эта цѣпь—женская (рис. 8). Сопоставленіе обѣихъ цѣпей еще разъ подтверждаетъ мѣстное происхожденіе: если эта работа—не одного и того же мастера (а это очень вѣроятно), то, несомнѣнно, это—работа различныхъ мастеровъ, вышедшихъ изъ одной и той же школы. Сравнительно съ византийской, эта работа—болѣе грубая, соединеніе зеленого и синяго цвѣтовъ далеко не всегда удачно. Наконецъ, отмѣтимъ еще особый видъ цѣпи. Эта цѣпь замѣчательна тѣмъ, что изъ 19 сохранившихся бляшекъ каждая имѣетъ особую орнаментацию. Орнаментация состоитъ изъ пальметокъ, лилій, крестиковъ (рис. 9).

Въ заключеніе обзора этого рода украшеній слѣдуетъ отмѣтить, что самая идея его имѣетъ восточное происхожденіе, ближайшимъ образомъ византійское. Къ тому же типу обычныхъ—можно бы сказать, рыночнаго происхожденія—украшеній принадлежатъ и такія украшенія, какъ серьги (рис. 10 и 11).

Серьги, колты, въ кievскихъкладахъ занимаютъ выдающуюся роль. Онѣ весьма разнообразны по своей формѣ, равнымъ образомъ—и по своему происхожденію. Кромѣ массы привозныхъ серегъ встрѣчаются и такіе типы ихъ, которые представляютъ собою продуктъ мѣстнаго производства. Такъ, встрѣчаются прежде всего серьги совершенно простаго типа, состоящія изъ простой

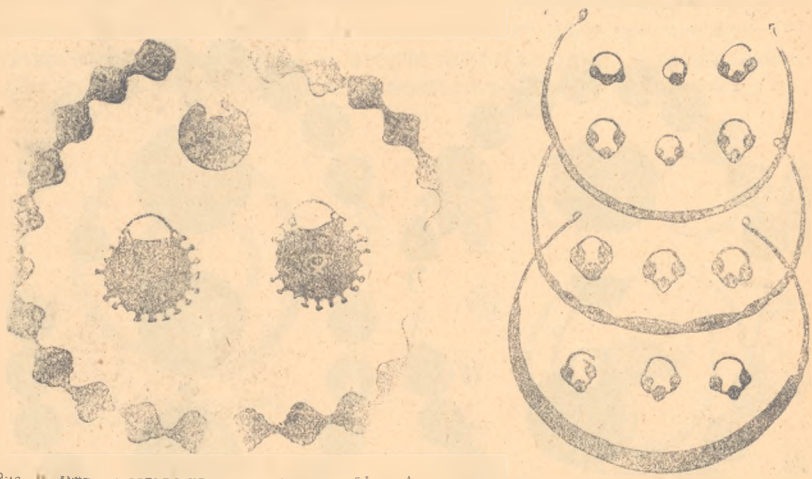

Рис. 9. Цѣпь и серьги изъ клада въ усадьбѣ г. Августина, на Львовской улицѣ, въ Кіевѣ.

Рис. 10. Шейныя гривны и серьги.

серебряной проволоки. Такого рода серьги или вдѣвались въ уши или же носились надъ ушами, прикрѣпленныя къ головному убору. Разумѣется, работа такого рода серьги не представляла собой большого труда, не требовала особаго искусства въ художественномъ смыслѣ. Но кievская древность весьма богата еще особымъ типомъ серегъ, который получилъ названіе кievскаго типа: это—такъ называемыя трехшпильныя серьги. Онѣ въ большомъ числѣ находятся не только въ Кіевѣ, но также почти повсемѣстно среди раскопокъ и другихъ областей. Мѣстомъ производства этихъ кievскихъ трехшпильныхъ серегъ несомнѣнно былъ самъ Кіевъ и его ближайшія окрестности.

Такого рода серьги довольно часто встрѣчаются въ кладахъ вмѣстѣ съ витыми серебряными и золотыми браслетами.

Многочисленный во количествѣ находокъ и въ распространенію въ другихъ мѣстностяхъ кievскія трехшпильныя серьги об-що представляютъ собою сере-

бряную дужку съ нанизанными на ней тремя ажурными шариками (рис. 12 и 13). Шарикъ очень изященъ, и ажурный типъ ихъ напоминаетъ о томъ, что ремесленники, введшіе въ употребленіе этотъ типъ серегъ, считались съ модой и вкусомъ современнаго имъ общества: идея ажурныхъ шариковъ безспорно имѣетъ связь съ арабесками. Трехшпильныя серьги—несомнѣнно весьма древнаго

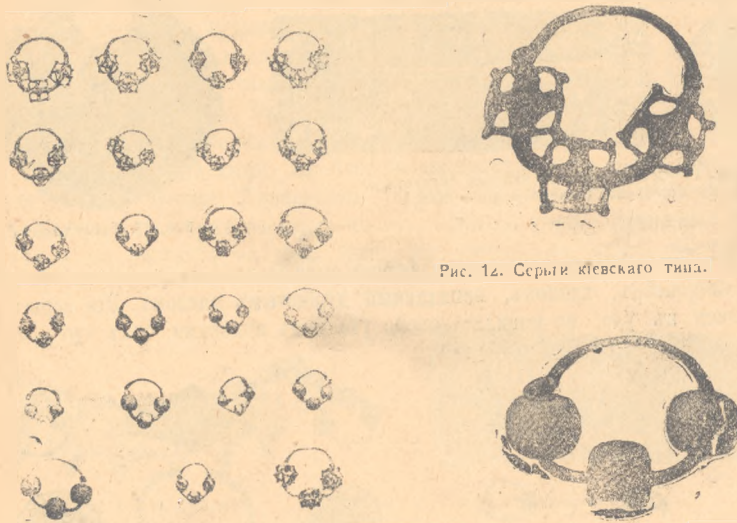

Рис. 12. Серьги кievскаго типа.

Рис. 11. Серьги кievскаго типа.

Рис. 13. Серьги кievскаго типа.

происхожденія, хотя потомъ онѣ употреблялись и во весь великокняжескій періодъ. Иногда онѣ дѣлались и изъ золота. Типичнымъ спутникомъ этихъ серегъ являются витыя серебряныя или золотыя шейныя гривны. Но на ряду съ этими—такъ сказать, рыночными—типами серегъ встрѣчается рядъ другихъ—болѣе тонкой и сложной работы. Таковы, напримѣръ, серьги съ длинными ажурными подвѣсками, при чемъ на ажурныхъ подвѣскахъ встрѣчаются и шарикъ. Или, напримѣръ, типъ серебряныхъ серегъ, въ основѣ котораго лежитъ серебряная бляха. На прилагаемомъ рисункѣ представленъ такой типъ серегъ. Бляшка исполнена пунктиромъ и зашита сплошь чернью. Въ центрѣ бляшки представленъ грифонъ, впрочемъ—грубой и запутанной работы. Рядомъ съ этой серьгой тутъ же представленъ и серебряный браслетъ, тоже болѣе сложнаго типа, исполненный червью (рис. 14).

Но само собою разумѣется, что самымъ замѣчательнымъ остаткомъ древнерусскаго быта и промышленности являются серьги съ эмалевыми украшениями и фигурными изображениями. Онѣ употреблялись на югѣ въ періодъ XI—XIII вѣковъ. Это—такъ называемыя серьги-колты. Этого типа серьги составляли

изъ двухъ выпуклыхъ спаянныхъ и украшенныхъ эмалью щитковъ; въ верхней части щитка дѣлалась выемка, надъ которой укрѣплялась дужка; подъ верхней

Рис. 14. Серебряный, съ чернью, браслетъ и серебряная съ чернью же серьга.

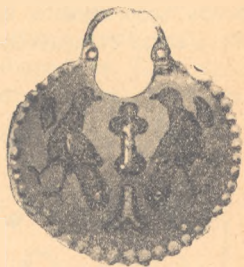

Рис. 15. Серьга-кольцо.

дужкой находится узкая щель, позволяющая вкладывать внутрь щитка что-либо мягкое, напримѣръ, хлопокъ, напитаанный душистымъ масломъ. Эта серьга не продѣвалась въ ухо, но носилась около уха подъ волосами, такъ что душила

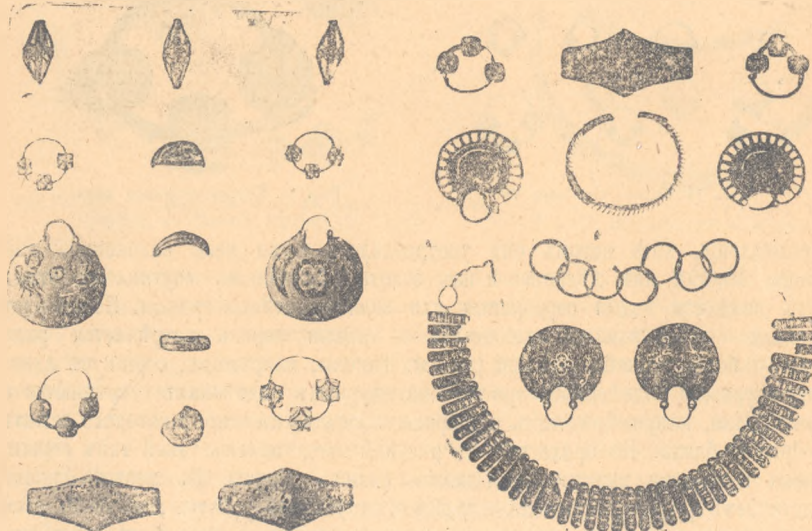

Рис. 16. Серьги-кольца и бусы.

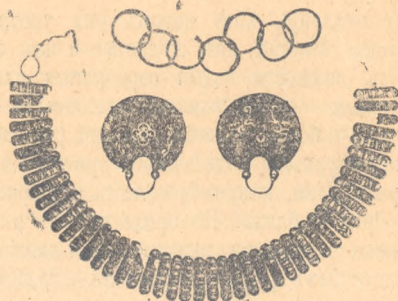

Рис. 17. Серьги-кольца и скобочки изъ золотыхъ пластинъ.

волосы. Изображенія на серьгахъ въ видѣ птицъ съ человѣческими головами являются преобладающими (рис. 15). Весьма любопытно происхождение этого типа серегъ. Находимыя въ кievскихъ кладкахъ серьги представляютъ собою

русскую работу, но эта русская работа имѣетъ византійскій источникъ. Въ свою очередь, прототипомъ и русскаго и византійскаго типа являются сирийскія издѣлія. Эти сирийскія издѣлія совершили довольно длинный путь прежде, нежели попали въ Подѣпровье. Именно такого типа серьги изъ Сиріи сначала перешли къ коптамъ въ Египетъ и въ Малую Азію, оттуда въ Византію и затѣмъ уже въ мастерскія кievскихъ художниковъ (рис. 16 и 17).

Здѣсь же мы остановимся еще на нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-русскаго головного и отчасти шейнаго убора. Эти особенности были уже частью представлены на рисункахъ. Такъ, одной изъ любопытныхъ формъ годового и отчасти шейнаго убора являются низки изъ серебряныхъ золоченыхъ подвѣсныхъ бляшекъ въ формѣ лилій; эти бляшки навязываются на шнуръ, раздѣленный серебряными бусами. Навязанныя такимъ образомъ, онѣ образуютъ монисто или повязку, которая носилась на лбу. Образцы такихъ украшеній, представленныхъ на рисункѣ, найдены были, напримѣръ, въ кладѣ въ усадьбѣ

Рис. 18. Витой браслетъ.

Рис. 19. Эмалевая скобочка.

Льскова и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (рис. 18). Весьма интересно происхождение этихъ повязокъ. Оно связано съ бытомъ и искусствомъ Византіи. Подобнаго рода повязки здѣсь носили названіе *кринъ*, отъ слова кринъ—лилія. Въ византійскій обиходъ орнаментъ изъ крина (полевая лилія огненнаго цвѣта или халкедонская красная лилія) зашелъ изъ Сиріи и Палестины, гдѣ этотъ полевой цвѣтокъ покрываетъ пустыри, придороги и руины. Употребленіе вѣнка, составленнаго изъ бляшекъ въ формѣ крина, любопытно еще и тѣмъ, что оно послужило въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи прототипомъ всякаго рода вѣнчочныхъ украшеній, даже престо верхнихъ фрпзовъ, вѣнчиковъ для оконъ и т. п.

Неменьшій интересъ представляютъ собою наборы золотыхъ и частью эмалевыхъ скобочекъ (рис. 19), которые были найдены въ кладѣ Михайловскаго монастыря 1887 года, въ кладѣ въ усадьбѣ Льскова, и наконецъ, въ кладѣ на Большой Житомирской улицѣ. Назначеніе этихъ скобочекъ заключалось въ томъ, чтобы сжимать, охватывать косу на головѣ. Между прочимъ, замѣтимъ, что идея подобнаго головного убора имѣетъ также далекое восточное происхождение.

Такъ, слѣдовательно, обзоръ далъ немногихъ предметовъ изъ кладовъ служить хорошимъ подтвержденіемъ сказаннаго о богатствѣ жителей древняго Кіева и о развитіи въ немъ мѣстной промышленности.